

УДК 94(470)06

**КАЗАЧЕСТВО РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КРУПНОМАСШТАБНОЙ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ АКЦИИ НИЗОВОГО КОРПУСА ИМПЕРАТОРСКИХ
ВОЙСК В ЮГО-ЗАПАДНОМ ПРИКАСПИИ
(1722–1735 гг.)**

Е.И. Иноземцева

Институт ИАЭ ДНЦ РАН

inozemceva47@mail.ru

Аннотация: Опираясь на данные архивных и опубликованных документов и материалов, с учетом достижений по проблеме отечественных историографов, в статье воссоздается краткая ретроспектива места и роли казачества в составе Низового корпуса императорской армии в крупномасштабной внешнеполитической акции – «Петровского марша на Восток».

Abstract: Basing on the archival data and published documents and materials, taking into account the achievements of the native historiography of the problem, the author of the article reconstructs brief retrospective of the place and role of the Cossacks of the Lower Corps of the Imperial Army in the large-scale foreign policy action – “Peter’s Campaign in the East”.

Ключевые слова: Россия, Персия, Дербент, Терский город, Астрахань, крепость Святой Крест, Каспийское море, Каспийский поход, Петр I, Кизлярский комендантский архив, Аграханский залив, река Сулак, остров Чечень, терское казачество.

Keywords: Russia, Persia, Derbent, Terki, Astrakhan, fortress of the Holy Cross, Caspian Sea, Caspian campaign, Peter I, Kizlyar commandant archive, Agrakhan bay, river Sulak, Chechen Island, Terek Cossacks.

Кавказ в целом является регионом, где со второй половины XVI–XIX вв. происходил многомерный и многосложный процесс вовлечения народов региона в сферу влияния, деятельности, а затем и власти Российской империи. Московская дипломатия последовательно и целенаправленно стремилась к утверждению своего влияния на народы региона, что в условиях перманентного соперничества Османской империи и шахской Персии на Кавказе находило позитивный отклик среди населения края. Важнейшим звеном в утверждении российской державности на Восточном Кавказе в XVIII в. являлось присутствие и деятельность здесь Низового корпуса императорской армии. Каспийский (Персидский) поход Петра I 1722–1723 гг. стал масштабной попыткой реализации имперских задач внешней политики России на Востоке, ее первой серьезной внешнеполитической акцией за пределами традиционной сферы ее влияния – в регионах другого цивилизационного пространства в условиях иной социокультурной среды [9, с. 9].

После Каспийского похода в течение тринадцати лет Россия создавала военно-колониальную администрацию на землях современного Дагестана, в прикаспийских провинциях современных Азербайджана и Ирана, содержала экспедиционный контингент – Низовой корпус и флот, выстраивала отношения с местной элитой, накапливала опыт различных форм взаимодействия с населением – от карательных репрессалий до приспособления к местным культурно-историческим традициям. Была также предпринята попытка экономического освоения этих территорий, заселения их христианским населением – армянами и грузинами.

Изучение вопросов, связанных с политикой России на Кавказе с момента ее активизации и до сегодняшнего дня, является одним из наиболее актуальных направлений современной исторической, а также политологической, социологической и других обществоведческих наук. В этой связи введение в научный оборот первоисточников, освещающих те или иные вопросы взаимодействия России с сопредельными державами в этом регионе, ранее не попавших в поле зрения участников научного процесса, является весьма важным.

Значительный пласт архивных первоисточников одного из уникальнейших хранилищ документов по истории взаимоотношений народов Кавказа с Россией XVIII–XIX вв. «Кизлярский комендантский архив», который сегодня хранится в ГУ ЦГА РД, включает в себя более 8 тыс. единиц. Большая часть документов на русском языке представляет собой официальные документы царского правительства, указы и распоряжения Сената, Государственной коллегии иностранных дел, а также переписку комендантов российских крепостей в XVIII в. с центральными правительственными учреждениями империи и др.

Первоисточники фондов «Терский комендант», «Комендант крепости Святого Креста», «Дербентский комендант», являющиеся составной частью «Кизлярского комендантского архива», еще не вводившиеся в научный оборот, могли бы дополнить новые и уточнить уже известные, важные штрихи в освещении и понимании масштабной военно-политической акции России петровской эпохи.

Как известно, многие из стоявших в Дагестане, Азербайджане и Гиляне в 1722–1735 гг. полков Низового корпуса были расформированы, а их архивы утрачены. Тем значимее и интереснее дошедшие до нас документы фондов № 335 «Терский комендант», № 382 «Комендант крепости Святого Креста», № 18 «Дербентский комендант», являющихся отличным подспорьем в исследовательской работе ученых, изучающих период пребывания гарнизонов Низового корпуса российских императорских войск в Юго-Западном Прикаспии, в составе которого находились и иррегулярные казачьи войска [8, с. 300–302].

Пример пребывания российских войск в Прикаспии дает возможность рассмотреть роль гарнизонов Низового корпуса в осуществлении восточной политики России в регионе. За сухими строками рапортов, дипломатических реляций и финансовых отчетов можно рассмотреть и оценить опыт первой масштабной колониальной экспансии Российской империи в условиях непривычной социокультурной среды с собственными традициями государственности, религии и культуры, определить степень участия и роль российского казачества в осуществлении этой внешнеполитической акции России.

Терское казачество, представленное терскими низовыми и гребенскими казаками, – один из субъектов сложного и противоречивого процесса складывания северокавказской историко-культурной общности. Это феноменальное социальное явление отечественной истории, возникшее как результат неприятия крепостничества и централизации власти в России.

Первые сведения о месте пребывания вольных казаков в регионе встречаются в царской грамоте 1581 г., где указывается, что «беглые казаки... живут на Тереке, на море». В своих донесениях в XVI–XVII вв. царские воеводы постоянно путали гребенских и терских низовых казаков и называли их общим именем «терские казаки». По численному составу терское низовое казачество было непостоянным: оно свободно пополнялось прибывшими с Волги, Дона или с гор, которые также свободно уходили в другие облюбованные ими места. По словам В.А. Потто, основание терского низового казачества «положили не домовитые казаки-хуторяне, а та гольтыба, те бездомные, гулящие люди, которые, отправляясь в варяжское молодечество на море, рано узнали дорогу к устьям Терека и здесь находили для себя превосходные зимние стоянки с обильными угодьями для рыболовного и охотничьего промыслов...» [12, с. 21].

Специфические условия жизни нижнетерского казачества оказали существенное влияние на процесс его этногенеза: жены казаков в основном были местного, кавказского происхождения. Формировалось оно из различных компонентов (этнических, региональных, социальных и т.д.). Основу составляли беглые «сходцы» из России и казачьи сообщества с Дона и Волги. Вольные казаки низовьев Терека принимали в свои общины всех, кто искал свободы и независимости от самодержавной власти.

По мере расширения русской колонизации на Северном Кавказе казачество все больше попадало под влияние московских воевод и постепенно утрачивало свою самостоятельность. Оно стало привлекаться на службу [1, с. 4]. Казаки контролировали торговые и стратегические пути, сопровождали посольства, помогали кабардинским князьям – союзникам России, защищали возникшие городки и острожки от нападений турецких и иранских отрядов и пр. Несмотря на некоторую лояльность терских казаков по отношению к царскому правительству, казачество постоянно пополнялось пришлым и бунтарским элементом. Появление на Тереке многочисленных потоков беглых людей из разных уголков России, прежде всего, было обусловлено внутривнутриполитическими факторами Московского государства [3, с. 57–59].

Вольное притерское казачество вместе с «донцами-молодцами» довольно «громко» заявляло о себе в Прикаспии, отправляясь по морю «за зипунами» [16, с. 78–83]. Так, по приведенным

данным Ю.П. Тушина, в 1631 г. 1500 донских, запорожских и яицких казаков ограбили несколько купеческих караванов. В следующем году донские казаки вместе с яйцкими «ходили» уже к иранским берегам, «воевали под Дербенью и под Низовую, и под Бакою, и Гилянскую землю и на Хвалынском море погромили многие бусы со многим товаром» [16, с. 78–83]. На Каспии, на островах у побережья, у них были убежища и даже своего рода «базы», как, например, на острове Чечень у берегов современной Республики Дагестан. В 1631 г. отряд Ивана Поленова захватил иранский город Ферахабад, затем, объединившись с отрядом Ивана Самары, напал на торговые суда на Каспийском море. Отряд во главе с Иваном Кондыревым в 1649–1650 гг. буквально парализовал торговлю между Ираном и Русским государством. Особый резонанс получил знаменитый рейд Степана Разина, увлекший за собой и терцев, когда его флотилия не только «погуляла» по всему юго-западному побережью Каспия, но и разгромила в морском сражении шахский флот [16].

К началу XVIII в. терское казачество по течению реки Терек образовало целую систему укрепленных пунктов, возведенных в междуречье Терека и Койсу, представлявших собой этапы для продвижения из Прикаспия в Кабарду, которые и послужили основанием будущей Терской кордонной линии. Это, конечно же, не было случайным, а обусловлено тем обстоятельством, что здесь сходилась три пути: один проходил по побережью Каспия, вел из южного Прикаспия в северное; другой проходил по Северному Кавказу, соединяя Прикаспие с Причерноморьем; третий, проходя через Дарьяльское ущелье и Кабарду, соединял северное Прикаспие с центральным Закавказьем. На скрещении этих путей еще в XVI веке и был создан по просьбе грузинских и кабардинских князей, искавших у Русского государства защиты от турецкой экспансии, Терский город. Подобное местоположение делало его военно-стратегическим пунктом южной окраины Русского государства.

В начале XVIII в. Терский город – важный центр политических связей Русского государства с народами Северо-Восточного Кавказа, опорный пункт российской государственности в регионе. Выполняя пограничную службу, Терский город являлся форпостом восточной политики Русского государства, центром дипломатических связей с кавказскими феодальными владетелями, Грузией, Ираном, Индией. Это был оживленный город с пестрым населением, с посадом и большим гарнизоном. Терская крепость была хорошо укреплена, здесь была сосредоточена вся русская военная сила на Кавказе, не считая нижнетерских казаков. Общее начальствование над ними осуществлялось терскими воеводами, являвшимися главными представителями царской власти на Терке и соединявшими в своих руках гражданское и военное управление [4, с. 42–48].

К началу 20-х гг. XVIII в. от прежнего многолюдства Терского города оставалось не более одной трети. И хотя в военном отношении он представлял еще сильную крепость, все самое славное и героическое уже было позади. На всей его жизни лежала печать упадка и запустения. В июле 1722 г. Терский город посетил Петр I. Он, осмотрев крепость и проверив состояние ее воинского гарнизона, приказал Терки снести и создать на более удобном месте новую крепость. За сравнительно короткое время своего существования, официально с 1588 по 1725 г. (около 140 лет), Терский город выполнил свою историческую миссию южного форпоста российской государственности, проводника ее кавказской политики [3, с. 45–60].

Казачество на протяжении веков являлось универсальным родом вооруженных сил. Будучи великолепными наездниками, не знавшими себе равных в искусстве джигитовки, умело применявшими в боях нерегламентированные никакими уставами дедовские тактические приемы, оригинальную систему разведочной и сторожевой службы и др., казаки были реальной военной силой в регионе. Прекрасно осознавая это обстоятельство, Петр I, конечно же, возлагал определенные надежды на участие казачества в проведении в жизнь своих планов на юго-восточных рубежах империи. В 1721 г. казаки передаются в военное ведомство, и с этого времени начинается качественно новый период в истории казачества вообще, нижнетерского – в частности. Казаки превращаются в козырную карту непрерывных сражений за раздвижение границ Российской империи, что ограничило их вольницу, отяготило жизнь, деформировало их сознание, ослабив, но, не ликвидировав субэтнические черты, выдвинуло на первый план социальные, связанные с военным образом жизни.

Зимой 1721/22 года была сформирована экспедиционная армия – будущий Низовой корпус, в состав которого входили все рода войск: регулярная пехота, драгунская конница, донские и украинские казаки, калмыки, артиллерия. К началу Каспийского похода численность драгунских полков, по подсчетам Н.Д. Чекулаева, составляла 8720 человек [17, с. 71]. Что же касается иррегулярных войск, то в исторической литературе приводятся разноречивые данные: С.М.

Соловьев сообщил о 20 тыс. казаков, 20 тыс. калмыков и 30 тыс. татар, что признается в отечественной историографии явным преувеличением [9, с. 56]. По подсчетам В.П. Лысцова, в походе помимо драгун участвовало 12 тыс. украинских и 4300 донских казаков и около четырех тысяч калмыков [10, с. 154].

По данным РГВИА, в поход отправлено было из нерегулярных: «Черкас гетманского регимента – 10000 человек

Казаков: донских – 5000 человек;

яицких – 1000 человек.

Итого: – 16000 человек» [13, л. 23].

В отечественной историографии Каспийский поход получил достаточно подробное освещение: опираясь на фактический материал архивов, рассмотрены предыстория и предпосылки похода, его ход и результаты. В течение четырех недель (июль–август 1733 г.) русской армией была занята территория от Аграханского залива до р. Милюкент за Дербентом. Столь быстрое ее продвижение объяснялось не только многочисленностью, боеспособностью и оперативностью предпринимаемых командованием мер, но и положением феодального разбоя, политических неурядиц, произвола коррумпированной шахской администрации, царившими в державе Сефевидов [15, с. 66]. Казалось, что обстановка как бы способствовала дальнейшему победному продвижению российской армии. Однако гибель в бурю на Каспии флота с провиантом и артиллерией внесла свои жесткие коррективы в судьбу предпринятой Россией внешнеполитической акции. Были и другие причины политического характера, о чем немало сказано в отечественной историографии.

В соответствии с указом Петра I Терский город был упразднен, а все его жители и остатки гарнизона, в том числе и жившие в нем терские городские казаки, были переведены в крепость Святой Крест. Тогда же Петр I переселил сюда с Дона 1000 семей «сказочных» (т.е. настоящих семейных и внесенных в списки, а не наборных) казаков. Это были первые казаки, прибывшие на Кавказ с семьями. Они поселились несколькими городками по реке Аграхани и вверх от нее по Сулаку, образовав Аграханское казачье войско. Петр хотел также переселить на Сулак гребенских казаков, но эта его попытка вызвала с их стороны такое недовольство, что пришлось отказаться от этого намерения. На месте Терков в том же году был сделан редут на 150–200 человек гарнизона с 12 пушками и одной мортирой. Он должен был служить для охраны Терской линии и сухопутной дороги в Дагестан. В гарнизон ему из Святого Креста присылалась рота регулярного войска, которая через три месяца менялась [3, с. 45–55].

Река Аграхань и Аграханский залив, где Петр I «нашел прекрасный порт с очень удобным входом и защищаемый от бурь тремя островами», обеспечивали крепость удобной водной коммуникацией, так что с прорытием канала, соединявшего Сулак с Аграханью, можно было «на всяких судах подходить к самой крепости» [6, д. 9, 10, 12]. Для охраны этой коммуникации в 1722 г. часть терских казаков была переселена на реку Сулак при слиянии ее с рекою Аграханью в составе Аграханского казачьего войска. Новые переселенцы поставили пять своих городков по южной границе крепостного района. Впоследствии эти казачьи городки переносились с места на место, в результате и были образованы станицы-городки: Каменка, Прорва, Кузьминка [6, д. 5].

В Прикаспии постоянно находились казаки, несущие военную службу и занимающиеся различными работами. Все казаки, кроме терских, сменялись через один, два или три года. По мере продвижения работ требовалось все меньшее число людей: например, если вначале в регионе постоянно находилось 5000 малороссийских казаков, то потом их число сократилось до 1000 и наконец до 500. Там было также 2000 донских казаков, 500 яицких, 1000 терских и 500 гребенских. Кроме того, сюда был командирован Ланд-милицейский полк, состоящий из одних рядовых (1500 человек), и Компанейский полк от гетмана Апостола. Вместе с калмыками (постоянно – 200 человек, временно – 6000) и казанскими татарами (5000 человек) здесь находились около 18000 человек [5, д. 55]. Казаки, несмотря на непривычный климат, тяжесть несения воинской службы и хозяйственной деятельности, были надежной опорой на Кавказе [5, д.13; 7, д. 35].

18 сентября российская армия вышла в обратный путь к Сулаку. 20 сентября Петр I заложил на левом берегу Сулака, в двадцати километрах от устья, небольшой ретраншемент. В этих местах и предполагалось построить мощную шестибастийную крепость Святого Креста – главную российскую «фортецию» на Северном Кавказе [2, с. 68–69]. Крепость Святого Креста была призвана решать как военно-стратегические задачи России на Северо-Восточном Кавказе, так и административно-политические. Первым комендантом крепости был назначен подполковник

Леонтий Соймонов, а первый гарнизон был составлен из регулярной пехоты, из тысячи донских и пятисот яицких казаков, сменявшихся здесь ежегодно. В крепости находился и генералитет российских войск, расположенных между реками Курой и Тереком.

На казаков в Прикаспии возлагались «работы великие, партии непрестанные» [9, с. 187]. Из вольных степей и широт они попали в кавказское предгорье или Гилянскую низменность, где случалось переносить «вредительный климат» из-за болот и залитых водой рисовых полей, отправляться в разъезды и «партии», трудиться на тяжелых «гаванных работах» в Дербенте и т.п. Самой же страшной бедой были болезни. Так, за период с декабря 1724 по ноябрь 1725 года общие потери Низового корпуса, по архивным данным, привлеченным И.В. Курукиным, составили 6237 человек, но из этого количества в боях погибло только 74 человека, 13 утонуло, а 5097 офицеров, солдат и казаков «померли» [9, с. 197]. Такой высокой смертности способствовало скудное пропитание, состоявшее по свидетельству командующего В.В. Долгорукова практически из хлеба и воды, которые также были далеко не лучшего качества [9, с. 187]. Усугублялось это положение и отсутствием сколько-нибудь организованной медицинской помощи, квалифицированного медперсонала и лекарств. Вообще реальные потери были на порядок выше, поскольку генеральские ведомости в основном учитывали «кадровых» военнослужащих, а о потерях в «нерегулярных» частях сообщалось не всегда. В Гиляне командующий Низовым корпусом располагал конницей от 800 до тысячи человек из казаков, конных армян и грузин, но потери среди них не всегда фиксировались.

Из находившихся в 1724–1725 годах на Кавказе 10500 тыс. казаков, по архивным данным, «от цинготной и другой тяжкой болезни повалились и от татар в Сулацком и в Аграханском транжименте на боях и нападениями в разных местах погибло и умерло 5183 человека»; более 900 было больных. Те, которые остались, «платья, обуви и других харчевых вещей, кроме хлебного жалованья, давно лишились» [14, с. 149–150]. Обращаясь к командованию за выплатой положенного жалованья, донской атаман И. Краснощеков, герой, любимец Петра I, сообщал о смерти 455 из трех тысяч казаков, посланных в 1726 г. Из тысячи отправившихся в поход в 1725 г. слободских казаков через два года в живых осталось 599 человек [9, с. 210].

По опубликованным данным Военной коллегии, приводимым И.В. Курукиным, в период 1722–1732 гг. в Низовом корпусе несли службу примерно 24 тыс. донских и яицких казаков (в 1722 г. на юг было отправлено 5 тыс. казаков; в 1723 г. – тысяча в Дербент, в 1724 г. – тысяча на Аграхань на поселение, в 1725 г. – 3 тыс. в крепость Святого Креста и тысяча яицких казаков; в 1726 г. – 3500 донских казаков; в 1730 г. – тысяча, в 1731, 1732 гг. – по 3 тыс. и в 1733 г. – 1650 донских и 250 яицких казаков и около 20 тыс. малороссийских черкас в 1722–1726 годах) [9, с. 210]. Военная коллегия не только не платила денег, но иногда даже не представляла размера полагавшегося казакам хлебного и денежного жалованья. Явившиеся на службу в крепость Святого Креста в 1726 г. 3 тыс. донцов и 500 калмыков под командованием И.М. Краснощекова оставались там до 1728 г. без оплаты, так что В.В. Долгоруков вынужден был выдать им из «персидских доходов» по 2 руб. на человека [9, с. 210].

В 1731 г. в Гилян к В.Я. Левашову обратился донской атаман П. Михайлов, чтобы добиться выплаты жалования, которое его казаки не получали с 1728 г. Генерал на свой страх и риск распорядился выдать им 800 руб. из «персидских доходов», т.к. сенатский указ от 5 февраля 1731 г. запрещал платить казакам из этого источника; остальные 11666 руб. он безуспешно пытался вытребовать от астраханской губернской канцелярии [9, с. 213].

Памятники Кизлярского комендантского архива, а также уже опубликованные материалы свидетельствуют об ужасающем положении терских казаков Аграханского войска. Смертность в первую зиму была так велика, что из каждых трех человек выбывал один, а некоторые семьи вымирали поголовно. К тяжелым экономическим и климатическим условиям прибавилась и эпидемия, свирепствовавшая на Аграхани и опустошившая казачьи городки. Кладбища сделались до того обширными, что издали представлялись городками, а казачьи городки смотрелись кладбищами [11, с. 67]. Генерал-майор М.А. Матюшкин по роду своей службы ведал на присоединенной к Российской империи территории Западного Прикаспия казачьими войсками. Ему не раз приходилось разбирать жалобы на беззакония и притеснения со стороны регулярных войск, обеспечивать безопасность казачьих городков от набегов горцев, снабжать провиантом, удовлетворять разного рода их просьбы, о чем свидетельствуют архивные документы [16, д. 5, 12, 13].

1 августа 1725 г. генерал-лейтенант М.А. Матюшкин получил письмо от терских и гребенских казачьих атаманов, в котором сообщалось следующее: «Проживающие у них в казачьих городках солдаты чинят им всякие обиды: и рубят на них (солдат. – Авт.) всякий лес и в

городки гоняют и непрестанно солдатские всякие отправляют письма регулярно из городка в городок и в терский гарнизон на лошадях и каюками оные казаки возят, также кабардинские черкесы берут у них много подвод, от которых показанных им обид пришли они во всеконечное разорение. И о лошадях просят, дабы вышеперечисленных солдат из их казачьих городков вывести и от всякого их разорения защитить, а если невозможно будет их оттуда вывести, то извольте оных солдат к оказанию упомянутых казакам разорения и иже каких обид и к употреблению, как их казаков, так и лошадей их, им солдатам к своим партикулярным услугам и работам ни к каким не допускать. Что за неимением у оных казаков лошадей в службе их Ея Величества государыне-императрице остановка не учинилась» [6, д. 12].

Кроме работ в крепости, казаки с 1723 по 1730 гг. ежегодно для восьми царских полков заготовляли и перевозили сено на своих лошадях, что за все время составило 6400 стогов. Те же казаки из Терского редута постоянно возили овес и провиант для гарнизона крепости Святого Креста. Они же выполняли почтовую и курьерскую службу: «Гоняют они до Астрахани и до Кабарды беспрестанно и грузинцов возят в Кабарду и до крепости Святого Креста». Когда драгуны для своих полков рубили лес, казакам приходилось отвозить его на место. Кроме того, казаки по сто и по двести человек несли пограничную службу, «отчего де едва не все лошади опали» [7, д. 31].

Привлекая данные ГУ ЦГА Республики Дагестан, опираясь на опубликованные материалы в отечественной исторической литературе, была предпринята попытка хотя бы отчасти воссоздать сложность положения «во вновь завоеванных персидских провинциях» российского казачества в составе Низового корпуса императорской армии, передать масштаб этой внешнеполитической акции – «петровского марша на Восток», оценить их вклад ценою жизни в решение грандиозных планов Петра Великого, отразить повседневную жизнь казаков в условиях непривычной природной и социокультурной среды, их участия как в военных действиях и репрессалиях, так и в «трудах великих» – в строительстве крепостей, укрепленных городков и даже в снабжении регулярных войск дровами, конницы – сеном и т.д., и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2011.
2. *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.
3. *Гарунова Н.Н.* Казачьи городки и крепости в низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: мифы и реальность. Махачкала, 2016.
4. *Гарунова Н.Н.* Русские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: Проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.
5. Государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Дагестан» (Далее – ГУ «ЦГА РД»). Ф. 18. Оп. 1.
6. ГУ «ЦГА РД». Ф.335. Оп.1.
7. ГУ «ЦГА РД». Ф. 382. Оп. 1.
8. *Иноземцева Е.И., Чекулаев Н.Д., Муртазаев А.О.* «Дербентский комендант»: основная характеристика архивного фонда // Гуманитарные социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12–1.
9. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010.
10. *Лыцов В.П.* Персидский поход Петра I: 1722–1723. М., 1951.
11. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: «Ир», 1991.
12. *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801). Ставрополь, 1991.
13. РГВИА. Ф. 2. Оп. 1/3. Св. 97. Д. 1–28.
14. Сборник РИО. Т. 55.
15. *Сотавов Н.А.* Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.
16. *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978.
17. *Чекулаев Н.Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). Махачкала, 2008.